

# Оглавление

*Вместо предисловия* — 11

## ГЛАВА I

Гнездо на ветру — 15; В Петрограде — 26; Бежецк — 30; Воспитание дофина — 36; Три школы и университет в Березовой аллее — 40; Фонтанный дом — 44; Пунин — 47

## ГЛАВА II

Первый бастион — 51; Хамар-Дабан — 55; Таджикистан — 59;  
В Москве — 68; “Уж сколько раз твердил нам Энгельс...” — 76;  
Старая профессура — 79; Студенты — 87; Дворяне и бомбы — 92;  
Друзья Гумилева — 98; Арест 1935 — 103; К счастливому тридцать  
седьмому — 112; “Мой предок был татарин косоглазый...” — 117;  
Молодой востоковед — 122; Дар слов — 125

## ГЛАВА III

Большой террор и арест 1938 — 132; Второе следствие, первый срок — 135;  
Первый лагерь — 139; “Спасите советского историка...” — 142;  
Пассионарность и Пасионария — 145; Шпенглер и Гумилев — 149;  
Шопенгауэр и комариные песни — 152; “Я был один под  
вечной выюгой...” — 154; Глазами барона Мюнхгаузена — 157;  
Писатель Гумилев — 162; Новое Средневековье — 169;  
Город женщин — 173

## ГЛАВА IV

Бритва и Страшный суд — 178; Веселый солдат — 181;  
Две военные загадки — 191; “Европа надоела до чертиков” — 194

## ГЛАВА V

Возвращение в Ленинград — 199; Осьминог — 204; Защита диссертации — 213; Двойник Гумилева — 218; Гумилев и его дамы — 222; Удивительнейшая из птиц — 228

## ГЛАВА VI

Арест 1949 — 245; Старичок профессор — 249; Камышовый лагерь — 251; Плоды просвещения — 254; История Срединной Азии — 259; Всемирная история — 263; “На лютне струна...” — 266; Этнографический заповедник — 268; Почтовый роман — 274; Эмма — 287; Конфуцианские письма — 291; Неконфуцианские письма — 295; На пути к “Замку” — 298

## ГЛАВА VII

Невстреча — 303; Бессмысленно и беспощадно — 306; Версия Гумилева — 311; Версия Ахматовой — 316; Плодоносящая смоковница — 318

## ГЛАВА VIII

В цветном мире — 323; Советское востоковедение — 326; Савицкий — 329; Хунну — 332; Кто виноват? — 339; Докторская диссертация — 343; Навоз на заднем дворе, или Гению всё дозволено — 345; Академический бестселлер — 348

## ГЛАВА IX

Страшная тайна Восточной Европы — 354; Друг бесценный — 358; Открытие Хазарии — 361; Подводная археология — 366; Итиль и Семендер — 372; Время, назад! — 374; Почему Гумилев не попал в “Анналы”? — 378

## ГЛАВА X

“Пунические войны” — 382; Завещание Ахматовой — 386; “Какое злодейство...” — 391

## ГЛАВА XI

Троян как Уч Ыдук — 396; Глава № 13 — 399; Перфектологический роман? — 403; Повседневная жизнь советского ученого — 412; Старший научный сотрудник — 419; Несоветский человек — 427

## ГЛАВА XII

Что такое этнос? — 430; Этнос как система — 434; Этногенез — 438;  
Фазы этногенеза — 440; Пассионарии, гармоничные люди,  
субпассионарии — 444; Пассионарность в этногенезе — 448;  
Пассионарность и естествознание — 451; Между Зубром и Львом — 455;  
Возмутитель спокойствия — 460; “Надвое рассеките признающих  
два естества!” — 464; Ландшафт и этнос — 466; Трамвайный анекдот  
и академический институт — 471

## ГЛАВА XIII

Самая страшная книга Гумилева — 473; Химера на Хуанхэ — 475;  
Мультикультурная химера — 478; “Распался железный обруч...” — 480

## ГЛАВА XIV

Комплиментарность — 486; Серебряные часы и Аркольский мост — 490;  
Вторая докторская — 493; Скандал в Музее этнографии — 497;  
Универсальное оружие — 499

## ГЛАВА XV

Этногенез и биосфера — 506; Православный еретик? — 510;  
Гумилев и демоны — 515; “Лучший друг Сатаны” — 518;  
Антисистема — 522; Гумилев, Филонов и Заболоцкий — 524;  
Лекции Гумилева — 528; Начало популярности — 537

## ГЛАВА XVI

Новая квартира без старых друзей — 540; Верный ученик — 547;  
Малый двор — 552; “Мера всему — четвертинка” — 561

## ГЛАВА XVII

Марксистская мысль — 566; Русская партия — 569; “Зигзаг истории” — 571;  
Гумилев и евреи — 578

## ГЛАВА XVIII

Миролюбивые завоеватели — 589; Как убивают гостей — 591;  
“Великий кавалерийский рейд” — 593; “Память” — 596; Писатель против  
сочинителя — 598; Татаро-монгольское иго — 602; Нечто полосатое — 605;  
Черная легенда и светлый миф, или Ненаучная фантастика — 608;  
Арслан-бей — 610

## ГЛАВА XIX

Глухие годы — 615; Бармалей — 617; Две теории,  
или Несколько слов о плагиате — 621; О пользе чтения — 623;  
Смерть с газетой в руках — 626; Из-под глыб — 629; Между юбилеями — 633;  
Высокий покровитель — 636; Время Гумилева — 639

## ГЛАВА XX

“От Руси до России” — 646; Евразийство — 651; Гумилев и евразийцы — 661;  
Змей Тугарин — 664; Евразийское братство — 667; Бой после  
победы — 671; Гибель империи — 675; Российский суперэтнос  
и Средняя Азия — 678; Монархист и демократ — 683;  
Невзоров<sup>1</sup> — 686

## ГЛАВА XXI

Прощание с Петербургом — 690; Гумилев и животные — 693;  
Последние дни — 696

## ГЛАВА XXII

Без наследников — 701; А где же наука? — 704; Дугин и Гумилев,  
или Фальшивый наследник — 709; Нищета философии — 713;  
Комедия ошибок — 716; Историки и Гумилев — 720;  
Гумилев и Запад — 726

*Эпилог* — 731

*Библиография* — 735

*Именной указатель* — 765

<sup>1</sup> Невзоров А. Г. внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов; Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов и признан участником экстремистского объединения, чья деятельность запрещена в России.

Выражаю сердечную благодарность всем, кто помогал мне в работе над этой книгой.

Прежде всего назову Гелиана Михайловича Прохорова, первого ученика Льва Николаевича, и Марину Георгиевну Козыреву, создателя и хранителя Музея-квартиры Л.Н. Гумилева. Без материалов, собранных и опубликованных ими, эта книга многое бы потеряла.

Выражаю свою признательность Нине Ивановне Поповой, директору Музея Анны Ахматовой, и сотрудникам — Ирине Геннадьевне Ивановой и Марии Борисовне Правдиной, предоставившим в мое распоряжение уникальные материалы из архива ученого.

Большое спасибо поэту и математику Владимиру Губайловскому и биологу Елене Наймарк за научные консультации. От души благодарю Ольгу Геннадьевну Новикову, хотя и понимаю, что эта книга не понравится ни ей, ни многим ученикам и последователям Льва Гумилева.

## Вместо предисловия

**С**охранившиеся фотографии Льва Гумилева озадачивают. Кажется, что иногда вместо него фотографировались совсем другие люди. Мемуарные свидетельства не объясняют, не рассеивают этого странного впечатления.

“Лева так похож на Колю, что люди пугаются. Моих черт в нем почти нет”, — не раз говорила Ахматова. С ней соглашалась Лидия Чуковская, несколько дополняя портрет молодого Льва: “В последний раз я видела Леву, если не ошибаюсь, в 32-м году <...> Это был юноша лет семнадцати–девятнадцати, некрасивый, неловкий, застенчивый, взглядом сильно напоминающий отца”.

“Как вы похожи на отца”, — с этих слов началось лагерное знакомство физика Сергея Штейна, будущего писателя-фантаста Сергея Снегова, и Льва Гумилева. Гумилеву-младшему вообще очень льстило, если другие находили в нем сходство с отцом. На фотографиях 1926–1927 годов, сделанных Пуниным, подросток Лев и в самом деле очень похож на Николая Степановича.

На студенческой фотографии 1934-го его сразу не узнать. Аккуратно одетый и хорошо причесанный молодой человек с почти детским лицом. Повзрослевший Левушка-Гумилевушка с фотографии 1915 года. Чистый, неиспорченный мальчик. Эмма Герштейн назвала лицо Гумилева “детским”, значит, фотограф в 1934 году не исказил его облика.

В 1936-м Руфь Зернова, студентка филфака ЛГУ, описывала Гумилева как светловолосого молодого человека “с аккуратным бледным лицом”. Монгольская аспирантка Очирын Намсрайжав запомнила его “молодым, красивым сероглазым юношей”.

Домашний мальчик, воспитанный бабушкой-дворянкой, в сталинском Советском Союзе выжить не мог. Он должен был исчезнуть. И он исчез.

Зимой 1987 года в ленинградскую квартиру доктора исторических наук Гумилева пришел корреспондент казанского журнала “Чаян” Гафазль Халилуллов. На звонок дверь открыл сам Лев Николаевич, человек “среднего роста, крепкий, с лицом и телом старого гладиатора”.

К сожалению, многие фотографии не сохранились, а в мемуарах — пробелы. Сейчас уже не восстановить утраченные звенья, ведь все, кто знал Льва Гумилева в молодости, давно ушли из жизни.

Передо мной фотография, сделанная осенью 1944-го для военкомата в Туруханске. Это совсем другой человек, ироничный и грустный. Не только постаревший, это понятно: он уже пережил тюрьму и лагерь, — а именно другой. Криминалист, сопоставляя фотографии 1934-го и 1944-го, и тот, верно бы, запутался и приписал их разным людям.

Новая черта — горбинка на носу — сразу сделала Льва похожим на мать. Гумилев после войны рассказывал всем знакомым, будто горбинка — что-то вроде фронтового ранения: во время немецкого минометного обстрела разнесло какую-то дощатую постройку, отлетевшей доской ему и перебило нос. О фронтовом ранении дружно сообщают все знакомые Гумилева, но, судя по фотографии, нос ему перебили не на войне, а в лагере. В Норильске или еще раньше, в Белбалтлаге, а еще вероятнее — в кабинете следователя.

Лев Николаевич “обладал очень выразительным, красивым лицом, крупными серыми глазами, в небольшой степени раскосыми, носом с очень небольшой горбинкой, красивой формой рта...” — вспоминала Елена Херувимова (Вигдорчик), работавшая с Гумилевым в экспедиции на Хантайском озере в 1943 году.

После войны Гумилев еще несколько раз поменяет свою внешность. С фотографии декабря 1949 года (из следственного дела) на нас глядит довольно молодое лицо кавказской национальности, бритоголовый абрек. Два года спустя (фото из лагеря под Карагандой) Гумилев напоминает старика-узбека или казаха.

За этими чужими, как будто непохожими на Гумилева лицами — потерянные годы тюрем и лагерей, вынужденное, не по его

воле, отступление от избранного пути. Несколько раз он пытался переломить судьбу. И в 1944-м, когда из тылового Туруханска ушел добровольцем на фронт, и в 1948-м, когда вопреки обстоятельствам все-таки защитил диссертацию, и в 1953–1956-м, в лагерные еще годы, когда нашел в себе силы вернуться в науку.

Николая Гумилева невозможно представить старым. Лев Гумилев, старея, терял сходство с оставшимся навеки молодым отцом. Зато всё отчетливее в его облике проступали ахматовские черты. Впервые на сходство матери и сына обратил внимание художник Александр Осмеркин еще зимой 1938 года: “У него капризная линия рта, как у Анны Андреевны”.

В конце пятидесятых его сходство с матерью замечали все.

Свидетельство Н. И. Казакевич, сотрудницы библиотеки Государственного Эрмитажа, вторая половина пятидесятых: “Сходство Л. Н. с матерью было несомненным, но он был лишен ее величавости”.

Свидетельство А. Н. Зелинского, участника Астраханской археологической экспедиции, август или начало сентября 1959-го: “...внешность... менее всего вязалась с легендарным образом Николая Гумилева. Среднего роста, может быть, даже ниже среднего, плотного телосложения, с горбатым ахматовским носом, с покатой, сутулой спиной, он сидит против меня и непрерывно курит”.

Из дневниковых записей Георгия Васильевича Глекина, биолога, биофизика. 1 октября 1959-го: “Вчера был у А. А. Познакомился с Львом Николаевичем. Очень странно, когда, пожимая вам руку, говорят: «Гумилев»... Он невысокого роста человек, с приветливыми, но очень грустными глазами. Чертами лица скорее напоминает мать”.

Из мемуаров Аллы Демидовой: “Лев Николаевич Гумилев — абсолютная Ахматова, он к старости очень стал на нее похож”.

Гумилев в старости напоминал Анну Андреевну не только внешностью, но и голосом, у него был почти такой же тембр, что и у матери. Все, кто слушал записи Ахматовой и смотрел видеолекции Гумилева, со мной наверняка согласятся.

Последние тридцать лет жизни Гумилева фотографировали часто, на всех фотографиях сходство с Ахматовой очевидно, только вот оно совсем не радовало Льва Николаевича.

# ГЛАВА I

## *Гнездо на ветру*

Это был долгожданный ребенок. Брак старшего сына Дмитрия, к огорчению Анны Ивановны Гумилевой, оказался бездетным. К осени 1912 года в семье младшего, Николая, ждали наследника. Почему-то все были уверены, что родится мальчик. Николай Степанович, узнав о беременности жены, повез ее в Италию от сырой весны, от пронизывающих балтийских ветров. Итальянское солнце казалось панацеей от телесных и душевных недугов. Об этой поездке сведений почти не сохранилось, только маршрут: Генуя — Пиза — Флоренция. Из Флоренции Николай Степанович один отправился в Рим и Сиену, потом вернулся, и они с Анной посетили Болонью, Падую, Венецию.

Вопреки надеждам, итальянское солнце холодноватых отношений между супругами не согрело.

Помолись о нищей, о потерянной,  
О моей живой душе,  
Ты, в своих путях всегда уверенный...

Под этими строчками Ахматовой дата: 1912, май, Флоренция.

В эти же майские дни появились стихи Ахматовой, необъяснимые, поразительные своим трагическим диссонансом с реальностью, казалось бы, вполне благополучной.

Тихий дом мой пуст и неприветлив,  
Он на лес глядит одним окном,  
В нем кого-то вынули из петли  
И бранили мертвого потом.

Был он грустен или тайно-весел,  
Только смерть — большое торжество.  
На истертом красном плюше кресел  
Изредка мелькает тень его.

<...>

И, пророча близкое ненастье,  
Низко, низко стелется дымок.  
Мне не страшно. Я ношу на счастье  
Темно-синий шелковый шнурок.

Что это? Просто литературный сюжет? Но откуда эти мрачные видения? Может быть, предчувствие будущей трагической судьбы? Век войн и революций уже надвигался, и мирной жизни было отмерено всего два года.

В Россию возвращались через Вену, Краков и Киев. В Киеве Анна Андреевна осталась погостить у матери. Потом отправилась в Литки (Подольская губерния), имение своей кузины. Николай Степанович поехал в Петербург, затем — в Москву, по литературным делам. Но в начале июня он уже был у матери, в Слепневе, откуда писал жене: “...мама нашла кучу маленьких рубашечек, пеленок...”

Вторую половину июля и начало августа Николай и Анна провели в Слепневе. Тогда за Ахматовой внимательно наблюдала двенадцатилетняя Елена, внучатая племянница Анны Ивановны Гумилевой. По ее воспоминаниям, Ахматова была “укутана в шаль и ходила тихими шагами со своей очень симпатичной бульдожкой Молли. Держалась она очень уединенно”. Анна своих привычек не меняла, вставала поздно, строгому распорядку слепневского дома не следовала. Но все относились к ней доброжелательно, оберегали, в буквальном смысле на руках носили. Ей трудно было подниматься по крутой лестнице, и Анна Ивановна поручила Коле-маленькому, если Коли-большого рядом не будет, носить Анну вверх и вниз на руках. Коля-маленький, племянник Николая Степановича, был тогда рослым и сильным юношей; не пройдет и года, как оба Николая отправятся в Абисинию.

Даже слепневские крестьяне стали не только свидетелями, но и участниками больших ожиданий в господском доме. На сельском сходе им обещали простить долги, если родится наследник. Забегая вперед, скажем, что Анна Ивановна Гумилева обещание сдержала.

Мальчик увидел свет 18 сентября (1 октября по новому стилю) 1912 года в родильном приюте императрицы Александры Федоровны на 18-й линии Васильевского острова. Через несколько дней ребенка перевезли в Царское Село, в дом Гумилевых на Малой, 63. В семье был праздник, пили шампанское за счастливое событие.

Ребенка крестили в Екатерининском соборе Царского Села 7 октября по старому стилю. Ему дали имя Лев.

Жена Дмитрия Гумилева, тоже Анна Андреевна, в девичестве Фрейганг, утверждала, что ребенок с первого дня был “всецело предоставлен” бабушке, она его “выходила, вырастила и воспитала”. Все-таки не с первого дня, а постепенно — естественно, с молчаливого согласия родителей. Тут стоит внимательно прочитать воспоминания Валерии Сергеевны Срезневской, подруги Ахматовой с гимназических лет, когда они были еще Аней Горенко и Валею Тюльпановой. Считается, что мемуары отредактированы самой Ахматовой, если не написаны под ее диктовку. Во всяком случае, это версия Ахматовой, и она кажется убедительной.

Из воспоминаний Срезневской: “Рождение сына очень связало Анну Ахматову. Она первое время сама кормила сына и прочно обосновалась в Царском”. Но понемногу “Аня освобождалась от роли матери в том понимании, которое сопряжено с уходом и заботами о ребенке: там были бабушка и няня”.

Так было принято среди женщин их круга. Кроме того, Анна уже тогда была Ахматовой. В марте 1912 года вышел сборник ее стихов “Вечер” и принес ей известность. Ахматова прислушивалась к себе, к своему дару и очень быстро вернулась к жизни литературной богемы Петербурга.

Возможно, Ахматова стала матерью слишком рано. В двадцать три года. Она не захотела менять привычный образ жизни.

Из биографической прозы Анны Ахматовой. “Смешили мы (Ахматова и Осип Мандельштам. — С. Б.) друг друга так, что падали на поющий всеми пружинами диван на «Тучке» (комната

Гумилева в Петербурге, в Тучковом переулке, 17, кв. 29. — С. Б.) и хохотали так до обморочного состояния, как кондитерские девушки в «Улиссе» Джойса».

Позднее, в двадцатые годы, Ахматова будет забавлять маленькую еще Иру Пунину, звонить ей от имени собаки Тапа и лаять (Ира сначала не сомневалась, что звонил именно Тап). В тридцатые Анна Андреевна много занималась с соседскими детьми, Валей и Вовой («шакаликом»). В сороковые стала нянчиться с Аней Каминской. Но эти дети росли рядом, а Лева почти всегда оказывался далеко.

Николай Степанович тоже был доволен, вспоминает Срезневская, что «его сын растет под крылом, где ему самому было так хорошо и тепло». Так будет и дальше. Забегая вперед, приведем фрагменты писем Ахматовой Николаю Гумилеву лета 1914 года. Еще не началась война.

«Милый Коля, 10-го я приехала в Слепнево. Нашла Левушку здоровым, веселым и очень ласковым. <...> В июльской книге «Нового слова» меня очень мило похвалил Ясинский. Соседей стараюсь не видеть, очень они пресные. <...> Целую, твоя Аня». К письму приложены стихи: «Моей наследницею полноправной будь...» и «Целый год ты со мной неразлучен...» (13 июля 1914 года).

«Целые дни лежу у себя на диване, изредка читаю, но чаще пишу стихи. <...> Думаю, что нам будет очень трудно с деньгами осенью. <...> Хорошо, если с «Четок» что-нибудь получим <...> С недобрим чувством жду июльскую «Русскую мысль». Вероятнее всего, там свершат надо мною страшную казнь *Valere* <...> Будь здоров, милый! Целую. Твоя Анна. Левушка здоров и всё умеет говорить». К письму приложено стихотворение «Подошла я к сосновому лесу» (17 июля 1914 года).

Перед нами письма поэта. Обращается Ахматова тоже к поэту, а не к отцу своего ребенка.

Роль бабушки в жизни Левы так велика, что необходимо сделать небольшое отступление. В год рождения Левы Анне Ивановне Гумилевой исполнилось пятьдесят восемь лет. Она была «хороша собой, — пишет Е. Б. Чернова, внучатая племянница А. И. Гумилевой, — высокого роста, худощавая, с красивым овалом лица, правильными чертами и большими добрыми глазами...» Анна происходила из мелкопоместных дворян Львовых. Лев Гумилев

в конце жизни утверждал: "...Гумилевы, каста военных, были священники, но в основном военные, морские и сухопутные офицеры и разведчики". На самом деле его слова относились скорее к семье Львовых. Степан Яковлевич Гумилев, дед Льва Николаевича, был военным в первом поколении.

Анна Львова провела детство, юность и молодость (до замужества) в Слепневе (Тверская губерния), родовом имении Львовых. В семье была младшей. Рано потеряла родителей. Ей было восемь лет, когда умер отец. А через три года умерла мать. Образование получила домашнее, с гувернанткой. Очень любила родной дом, кабинет отца, где на стенах висели географические карты, а в шкафу стояли книги с описаниями военных кораблей и морских сражений. Библиотека в доме была замечательная, собиралась несколькими поколениями Львовых. Анна много читала, больше всего — русские и французские романы. Французским языком владела свободно. Любила гулять по слепневскому парку и окрестностям усадьбы. Возможно, на ее характер, спокойный и уравновешенный, неизменную доброжелательность повлияла окружающая природа. Повзрослевший внук Анны Ивановны, Лев Гумилев, установит связь между психологическим состоянием человека и ландшафтом, он же отметит умиротворяющий характер природы Тверского края: "...этот якобы скучный ландшафт, очень приятный и необременительный, эти луга, покрытые цветами, васильки во ржи, незабудки у водоемов, желтые купальницы — они некрасивые цветы, но они очень идут к этому ландшафту. Они незаметны, и они освобождают человеческую душу".

Брак Анны Львовой и Степана Яковлевича Гумилева мемуаристы называют неравным: двадцатидвухлетняя потомственная дворянка и сорокалетний корабельный врач, сын сельского дьячка, вдовец с дочерью семи лет. Между тем Анна Львова послушала совета своего старшего брата (Лев Иванович познакомил ее с Гумилевым) и приняла решение, о котором никогда не жалела. Этот тип женщины любим русской литературой: пушкинская Татьяна, тургеневские девушки. Анна никогда не тяготилась сельским уединением, не любила праздности, была лишена кокетства. Она сочувствовала семейному горю Степана Яковлевича, жалела его осиротевшую дочь. С желания помочь и сострадания началась любовь.

Анна Ивановна легко вошла в роль хозяйки дома. Степан Яковлевич надолго уходил в плавание, после отставки часто и тяжело болел. Так получилось, что дом держался на ней. Все, кто знал Анну Ивановну, называли ее властной и умной. Она умела разбираться в людях. Казалось бы, ей, воспитанной в патриархальных традициях, невозможно принять характер и образ жизни Ахматовой. Между тем Ахматову не приняли как раз ее ровесницы. Довольно неприязненно пишет об Ахматовой А. А. Гумилева (Фрейганг): “В дом влилось много чуждого элемента”. Как успела дворянка за несколько лет усвоить советскую фразеологию! Ей вторит соседка Гумилевых, Вера Андреевна Неведомская: “...в семье мужа она чужая”.

Анна Ивановна, несмотря на разницу в возрасте и воспитании, приняла Ахматову как родную дочь. Между ними всю жизнь сохранялись родственные сердечные отношения.

Из писем Анны Гумилевой к Анне Ахматовой: “Анечка, дорогая моя”, “я рада, что ты поправились, моя родная”, “голубчик”, “горячо любящая тебя мама”.

Из писем Анны Ахматовой к Анне Гумилевой:

“Дорогая мама, эти деньги исключительно для того, чтобы ты наняла человека для работы по дому и сама больше ни с чем не возилась”.

“Дорогая мамочка! Не надо ли прислать чего-нибудь в посылке (муки, сахара, чая, мыла), может быть, какое-нибудь лекарство Левушке? Твоя Аня”.

Наконец, слово самому Льву Гумилеву: “Бабушка была ангелом доброты и доверчивости и маму очень любила”.

Первые шаги маленького Левы связаны с царскосельским домом Гумилевых. Анна Ивановна купила его летом 1911 года. Дом был деревянный, двухэтажный, с небольшим палисадником.

“Снаружи такой же, как и большинство царскосельских особняков. Два этажа, обсыпаящаяся штукатурка, дикий виноград на стене. Но внутри — тепло, просторно, удобно. Старый паркет поскрипывает, в стеклянной столовой розовеют большие кусты азалий, печи жарко натоплены. Библиотека в широких диванах. Книжные полки до потолка... Комнат много, какие-то всё кабинеты с горой мягких подушек, неярко освещенные, пахнущие невыветриваемым запахом книг, старых стен, духов, пыли...”

Тишину вдруг пререзывает пронзительный крик. Это горбоносый какаду злится в своей клетке. Тот самый:

А теперь я игрушечной стала,  
Как мой розовый друг какаду.

“Розовый друг» хлопает крыльями и злится”, — вспоминал поэт Георгий Иванов.

На первом этаже были комнаты Николая Степановича и Ахматовой, Дмитрия и его жены, а также гостиная, столовая и библиотека. На втором этаже жили Анна Ивановна, Александра Степановна Сверчкова, дочь Степана Яковлевича Гумилева от первого брака, с детьми Николаем и Марией. Здесь же, на втором этаже, устроили детскую для Левы и его няни.

Из воспоминаний А. А. Гумилевой (Фрейганг): “Коля был нежным и заботливым отцом. Всегда, придя домой, он прежде всего поднимался наверх, в детскую, и возился с младенцем”.

А вот Лев Николаевич в поздних интервью с сожалением утверждал, что своих родителей в детстве почти не видел. В этом нет противоречия. Если Николай Степанович бывал дома, он охотно играл с ребенком. Ему даже не надо было делать над собой усилия, как многим взрослым, временами он чувствовал себя ребенком. В 1919–1921 годах со своими студийцами, молодыми поэтами, с удовольствием играл в жмурки. Когда Лева немного подрастет, они будут играть в войну, в индейцев, в путешественников. Только вот свободного времени у Николая Степановича было немного. Осенью 1912 года он возобновил занятия в университете. Чтобы не ездить каждый день в Петербург из Царского Села, снял комнату в Тучковом переулке на Васильевском острове. Николай Степанович и Ахматова обычно не пропускали интересных вечеров в “Бродячей собаке”, где собиралась литературная богема Петербурга. Только за последние три месяца

1912 года состоялось около десятка заседаний “Цеха поэтов”. Иногда они проходили в доме Гумилевых. Случалось, полуторагодовалый Лева, убежав от няни, неожиданно появлялся перед поэтами. В фольклор царскосельских поэтов Ахматова и Лева вошли под именами Гумильвица и Гумильвеноч. Весной 1913 года